

КОМУ НУЖНА «ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ» ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ?

Владимир Натанович Порус — доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Москва).
E-mail:
vporus@rambler.ru,
vporus@hse.ru

Показано, что рассуждения о «смысле истории», выводящие за пределы возможностей истории как науки, значимы для той философии, которая полагает возможной и осуществимой цель исторического развития. Эта цель — свобода, предоставляющая человеку возможность полной реализации его сущности. Такого рода «исторический оптимизм» вступает в конфликт с известной исторической практикой. Поэтому он опасен, когда становится лозунгом.

Ключевые слова: история, философия истории, свобода, историческая практика.

WHO NEEDS AN OPTIMISTIC PHILOSOPHY OF HISTORY?

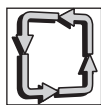
Vladimir Porus — Doctor of Philosophy, professor, Head of the School of Philosophy, National Research University Higher School of Economics (Moscow).

All speculations on «the meaning of history» are argued to exceed the epistemological capacities of historical science. Nevertheless, the author argues, such speculations are significant for a philosophy which treats historical development as a real phenomenon. For many philosophies of this sort, freedom of a human-being is the main goal of the historical process. The author notes that such «historical optimism» is in conflict historical practice. And he argues that it can be dangerous if transformed into a slogan.

Key words: history, philosophy of history, freedom, historical practice.

История как наука и философия истории как части входят в область исторического познания, причём у каждой из них есть своя задача и своя цель. Эта мысль, высказанная в статье В.М. Межуева, вызывает ряд вопросов.

Совпадают ли объекты познавательного внимания историка и философа истории? Как сказано в статье, философское постижение направлено на историю как умпостигаемый объект, существование которого определено его целью, а не совокупностью эмпирически познаваемых событий в текущем времени. А цель истории полагается таковою исторически же (!) развивающимися философскими размышлениями о будущем, которое не предопределено, но зависит от того, как его видят и каким его хотят люди определенной культуры. Они же способны не гадать о будущем или пытаться «вывести» его из якобы непреложных законов, а работать над его образом, опираясь на принятые оценки исторических фактов. «Цель истории» — результат этой работы. Поэтому всякая историческая эпоха судит о будущем по-своему и нельзя априори

ри сказать, какое из таких суждений превосходит другие своей истинностью.

Это означает, что философия истории (почему не «историософия»?) работает с материалом, какой дает ей историческая наука, но рассматривает и оценивает его умозрительно, «воспаряя» над ним к ценностным и символическим абстракциям, из которых и строит «целевую причину» исторического движения. Еще раз: такая причина должна быть отнесена к особенностям культуры, в которой философ истории осуществляет свою работу.

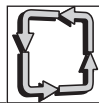
Итак, на поставленный вопрос следует отвечать скорее отрицательно. Но если так, зачем историку нужна философия истории (или, простите, историософия)?

Историк может сказать: допустим, я не могу обойтись без философии, но что если моя философия отличается от вашей? Это ведь вполне философская предпосылка: если история — наука, у нее должен быть свой объект, о котором ученый обязан делать верифицируемые утверждения. Мне, уж поскольку я взялся философствовать, понятна и мысль Р. Дж. Коллингвуда: философия истории должна заниматься не историей, а тем, что историки думают о ней и как они работают с историческим материалом. В этом смысле философия истории ничем принципиальным не отличается от философии математики или философии физики, будучи понята как часть философии науки. Нужна ли философия науки самой науке? Вопрос спорный, но осмысленный. То или иное его решение указывает на возможность (или невозможность) диалога-сотрудничества философов и ученых.

Однако если вы полагаете, что философия истории есть нечто иное, а именно способ постижения цели, к которой устремлен поток событий, происходящих в человеческом мире, то я вынужден заявить, что мне такая философия кажется слишком отвлеченным занятием, а потому скорее всего в моей работе излишним. Я просто не могу решить, каким образом применить ваши философские идеи в конкретном историческом исследовании.

Разумеется, если вы покажете мне, как это возможно, и докажете, что это и необходимо, я признаю вашу правоту. Но пока этого не случилось, я буду заниматься историей (как я ее понимаю), а вы — философией истории (как вы ее понимаете) и наши пути к обоюдному удовольствию будут пересекаться редко, разве что в свободное от основной работы время. Dixi.

Конечно, историки, как и философы, бывают разными. Найдутся и те, кто не станет разводить историю и философию истории по разным углам. Но и они должны решить, какая именно философия им подходит больше всего, с какими философами истории им не будет скучно проводить время в дискуссиях. Вероятно все же, что философию истории, провозглашающую телеологический принцип, боль-

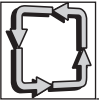

шинство историков воспримут как небезвредный архаизм (следуя методологическим советам К. Поппера). Упрек же в том, что не видеть в истории движения к «трансцендентной цели» значит приравнять человеческую историю ко времени «жизни вещей, но не людей», они отведут двумя аргументами. Во-первых, каждый волен заниматься своим делом. Пусть телеологическими дискурсами занимаются теологи, метафизики и поэты, а ученые займутся поиском приемлемых объяснений фактов и если достигнут каких-то успехов в этом деле, то рискнут и на прогнозы. Разве не так поступают физики, большинство которых не видит смысла рассуждать о целях природы? Во-вторых, люди все-таки отличаются от иных природных объектов тем, что способны делать корректирующие выводы из своего опыта, исправляя свои ошибки (если это позволяют общественные условия, в которых они живут). Поэтому, преследуя свои личные, индивидуальные цели, люди более или менее успешно проживают свой век, не задаваясь вопросами о цели, ради которой существует человечество как таковое.

Я сказал «большинство», но это, конечно, не итог некой статистики. Просто, как мне кажется, подобное отношение к философии характерно для современной науки, а историки не составляют исключения. Это вопрос прежде всего для философов: какими причинами вызывается это отношение и почему оно преобладает в современной культуре? Я уже не раз замечал, что важнейшие вопросы философии науки уходят корнями в философию культуры, и обсуждение работы В.М. Межуева лишний раз подтверждает это. Во всяком случае надо признать, что рассуждения о «смысле истории» (например, в духе и стиле Н.А. Бердяева), выводящие за пределы возможностей истории как науки, приобретают или теряют свою популярность в зависимости от того, какие культурные ценности смещаются в центр культурной системы или удаляются от него.

Философия истории, сторонником которой объявляет себя В.М. Межуев, имеет в своем основании понятие «свобода». «Свободное время... является той реальностью, которая стоит за всем, что философы называли идеей истории, в чем видели ее цель или назначение. Оно — не конец истории, а сама история, понятая как история производства человеком себя во всей целостности своего существования, преодолевающего разрыв между временем и вечностью. В этом смысле подлинная история людей, если ей суждено состояться, еще впереди, тогда как предшествующая история — только подготовка к ней, ее “предыстория”. Философия истории с этой точки зрения и есть постижение истории с позиции человека, живущего в свободном времени».

Это, конечно, оптимистическая философия. Ее оптимизм не в том, что «подлинная история людей» полагается осуществимой целью (оговорка: «если ей суждено состояться»), а в том, что такая ис-

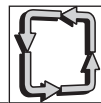
тория полагается *возможной* — как история человечества, а не как описание жизненного пути отдельных («немногих») личностей, обладавших такой «привилегией» — вступать в общение со всеми предками, современниками и потомками, жить *sub specie aeternitatis*. С оптимистами спорить трудно, что поделаешь. На возражения они отвечают просто: оптимистическая вера дает силы жить и действовать, а пессимистические сомнения обезоруживают и обессиливают.

И все-таки. Разумеется (за исключением *немногих* личностей, да и то с оговорками!), подавляющее большинство людей никогда не жили в «подлинной истории». Но не это главное. Вопрос в том, хотят ли (захочет ли) большинство жить в такой истории? Кто убедит людей в том, что высшее благо для них — это «производить себя во всем богатстве своих связей и отношений с другими людьми»? Если судить о всей совокупности связей и отношений с другими людьми по известному опыту, то о богатстве здесь можно говорить разве что в ироническом смысле. Ж.П. Сартр все-таки имел основания сказать «Ад — это другие», хотя слышать такое неприятно, а иногда и неприлично. Можно, конечно, предположить, что когда-то все изменится к лучшему и вместо ада получится идиллия («небо в алмазах»), но верить в это трудно, а если правду сказать, невозможно.

Зато очень даже возможно, что не «новые люди на новой земле», а массы наших современников, по-своему истолковав «зов свободы» (почему бы уже сегодня или завтра не соприкоснуться с вечностью!), рванутся к этой свободе, буквально затаптывая тех, кто поосторожничают или не осмелится на рывок. Такое движение к «подлинной истории» не станет не чем иным, как рукотворным адом. Подобное уже было и не раз. Возможно, этот горький опыт — одна из главных причин того, что «выпадение из истории», о чем стало модно говорить в эпоху модерна, стало почитаться если не за благо, то по крайней мере за меньшее зло, чем «участие в истории».

Кто-то сказал, что именно из-за философских и религиозных разногласий пролилось больше всего крови, и, наверное, это правда. Постмодернистская философия эту опасность сознает и пытается избежать. Для этого нужно не так уж много: избавиться от привычки всерьез говорить о таких вещах, как «подлинная история», «истинные ценности», «главные цели человечества» и т.п. Ничего подобного, полагает такая философия, нет в действительности, а есть только соответствующие «слова». Когда надо, ими оформляют человеческие отношения, подобно тому как жилые комнаты обставляют мебелью и другой утварью по вкусу и потребностям обитателей; когда не надо, их забывают или заменяют другими; если они все же не спешат исчезать из повседневного обращения, над ними иронически посмеиваются.

История, однако, мстит за подобное к себе отношение. И вот уже мы живем в то время, когда люди вновь готовятся подчинить свою

жизнь борьбе за торжество идей, какой бы ценой это торжество не оплачивалось. Они хотят участвовать в истории, т.е. приближать ее «универсальные цели», как они их понимают. Означает ли это конец постмодерна в смысле, который представлен у В.М. Межуева? Не знаю. Но думаю, что «позиция человека, живущего в свободном времени», еще не приобрела каких-то ясных и привлекательных контуров. Пока это отвлеченная идея, с ней можно поиграть, поставив в центр теоретической конструкции. Когда же она делает попытки воплотиться в реальных делах и конкретных поступках, это вызывает тревогу.